

Глава V

СИМВОЛ

«ЕДИНОГО ГРАДСКОГО ОБЩЕСТВА»

Русский город. О нем сейчас много говорят и пишут. Например, дискутируется вопрос о критериях понятия «русский феодальный город», причем, давая определение феодальному городу, подчеркивают, что это не застывшая категория, выделенная по какому-то одному признаку: экономическому, юридическому и т. д. Напротив, современные историки отмечают многофункциональность города, в частности русского феодального города XVIII в. И у них нет сомнений, что русский город XVIII в. выступает как самостоятельный экономический, административный и культурный центр. Но ведь существовало же в дореволюционной историографии мнение, что понятие «градское общество» появилось лишь благодаря официально сформулированному русским правительством и закреплённому в законодательном акте последней четверти XVIII в. определению! Подобный вывод строился как раз на абсолютизации юридической стороны дела, поскольку, дескать, не существовало «особого, единого, цельного организма, обладающего свойствами юридического лица», т. е. не обладающего фактическим самоуправлением, не было и «градского общества». Действительно, в России XVIII в. зависимость городского (на деле — купеческого) самоуправления от местной феодальной администрации была налицо. В одном из правительственных указов прямо говорилось: «Магистраты и ратуши губернаторам и воеводам послушны быть должны».

Документы свидетельствуют, что воеводы, военные и гражданские чины, а также дворяне без должности творили полный произвол в городах, унижали посадских людей и их выборных представителей. Воеводы и губернаторы могли отправлять под арест бурмистров, если город несвоевременно вносил платежи, имели право ревизовать городские финансы. Подобная политика русского правительства противоречила социально-экономическому развитию городов, удельный вес которых в рамках фео-

дальной системы все более возрастал. Правительству приходилось считаться с этим, лавировать, не отступая от основной линии. Иногда городу как будто бы жаловались привилегии и особые права. Так было, например, с ново-заложенным Оренбургом. Его основатель Кирилов считал, что городу положено иметь самоуправление, магистратскую печать, городской герб. Наверняка у него имелись единомышленники. Во всяком случае, споры по поводу городских гербов, «самодеятельность» местной администрации в создании городского символа, настойчивые запросы о нем в центральные учреждения, попытки разработки гербов городов в Герольдмейстерской конторе — все это свидетельства заинтересованности в новом общественном статусе русского города.

В 60-е годы в России опять рассылались анкеты с целью сбора сведений о городах. Предстояло «сочинить... повый исправнейший российский атлас» и «географическое описание Российского государства».

Вот что одна из анкет требовала сообщить о городе: «Надлежало бы на примере знать особливо каждый город, его положение, его жителей, род их жизни и протчая..., много таких городов есть, которых одно только имя известно». И далее конкретные вопросы: «В котором году город, от кого и для чего построен; ...какой герб имеет; причем ежели есть известия, описать и происхождение того гербу; не был ли город осажден от кого и разорен или мужественно оборонялся». Все города должны были дать ответ и через губернские канцелярии переслать в государственные учреждения, составляющие российский атлас. Интересно, что здесь впервые вопрос о городском гербе включен не в «тематическую анкету», каковыми являлись запросы Герольдмейстерской конторы, а в анкету общего типа. Вопрос о гербе — городском знаке звучит уже как нечто само собой разумеющееся. Запросы по поводу городского герба встречаем и в анкете Комиссии о городах. Эта комиссия возникла в результате работы Уложенной комиссии (собрания сословных представителей) в 1787 г. В города за подписью личного секретаря императрицы А. В. Олсуфьева ушла анкета с такими вопросами: «Не имеет ли город от государей жалованных грамот, привилегий или других каких особых учреждений», «Есть ли известие, когда и кем город основан и построен», «Имеет ли город особый герб городской, когда и кем пожалован» и др. Город и герб... Все чаще эти понятия совмещаются в официальных документах.

И вот первое пожалование городского герба городу Костроме.

В мае 1767 г. Екатерина II, путешествуя по Волге, посетила город Кострому. Знаменательное, редкое для горожан событие было торжественно отмечено, императрице устроен пышный прием. В какой форме проявить особое внимание к столь радушному городу? Узнав, «что как город сей, так и его уезд не имеют никакого герба», Екатерина II жалует Костроме герб. Что изобразить на нем? А вот то самое знаменательное событие, после которого город получил герб. И появляется на гербовом щите плывущая галера, схожая с той, на которой прибыла в город императрица. Герб этот составили в Герольдмейстерской конторе, и императрица утвердила его 24 октября 1767 г. Вспомним, какое изображение имелось на костромском клейме. Ничего общего с только что утвержденным и отныне закрепленным за Костромой гербом!

В последующее десятилетие правительство начинает один за другим жаловать гербы городам. Оно как бы ухватилось за мысль о пожаловании городам официального символа. Правда, это пожалование гербов — не единственный благосклонный жест в сторону города. Создаются, например, учреждения, регулирующие городское строительство. В Петербурге — это Комиссия строения, которая, кстати, пеклась и о городском гербе. Группирующиеся вокруг нее архитекторы вырабатывали проекты единой планировки, которой должны были подчиняться все, кто строил в городе: и частные и казенные застройщики. В Москве при Полицейстерской канцелярии также появился архитектурный надзор, планировавший застройку города в целом и по частям. Архитекторы И. А. Мордвипов и И. Ф. Мичурин составили замечательный проектный план Москвы.

Город изменялся не только внешне, по форме, но и по существу.

В жизни русского города в течение XVIII в. происходят новые явления, которые связаны с ростом промышленности, внутренней и внешней торговли, а также складывающимися внутри феодально-крепостнического строя капиталистическими отношениями. Появляются крупные мануфактуры, цехи ремесленников, растет число мастерового люда. Развитие новых экономических отношений в городе тормозилось существующей сословной градацией его жителей.

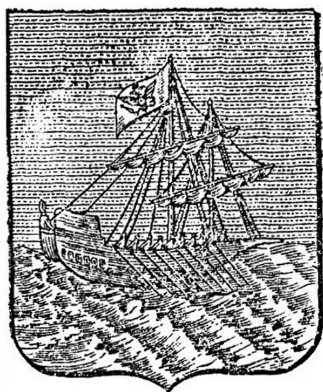
Собственно горожанами считались посадские — купе-

чество и ремесленники. Однако, как сообщалось в одном официальном документе XVIII в., «по городам, кроме купцов и мещан, состоят в числе городских жителей священно- и церковнослужители, ямщики, однодворцы, нахоженные солдаты и прежних служб служилые люди, войсковые обыватели, черкасы и татары». Сюда следует добавить помещичьих и государственных крестьян, которые во многих городах составляли значительную часть населения. Чтобы стать горожанами, им надо было «переключиться» в другое сословие, а это было трудно, дорого. Все же отдельные состоятельные крестьяне преодолевали сословные рамки, наряду с зажиточным купечеством составляли совсем другую, не сословную, а классовую категорию — городскую буржуазию. Город менял свою суть, у него появлялось особое лицо: противостояли друг другу не сословия, а богатей и бедняки. Эта новая дифференциация городского населения заставила правительство постепенно отказаться от псаждения ярко выраженной сословности и искать для определения в жители города другой признак.

Впервые город предстает не как сословная община, но как совокупность всех домовладельцев при выборах в Комиссию по составлению нового Уложения 1767 г. От всего города (независимо от сословности, но в зависимости от ценза) избирался депутат в эту комиссию. Акт 1775 г. выделил город в самостоятельную административную единицу. На пост главы города назначался городничий или комендант. В Петербурге и Москве эту должность исполнял обер-полицмейстер. Им помогали управлять городской магистрат с находящимися при нем городовым сиротским судом, словесным судом и ратушей в посадах.

Такой сложный аппарат управления городом служил переходной ступенью к следующей новой форме городских органов, которые создала Жалованная грамота городам 1785 г. Но о ней ниже.

Хочется отметить, что эта сложная система органов городского управления находилась на службе городской буржуазии. Она получила право выбора городского головы, городского магистрата, а последние, естественно, обеспечивали интересы «отцов города». Кроме этого, городские органы никакой самостоятельности и не имели. Их состав утверждался губернатором, деятельность контролировалась государственной властью. Немного сделало правительство для города, однако заметны стали какие-то новые веяния.



Герб Костромы, сочиненный в Герольдмейстерской конторе в 1767 г.
Герб Калуги, сочиненный в Герольдмейстерской конторе и утвержденный в марте 1777 г.

В этих условиях зародилась идея массового городско-го герботворчества. Не известно, кому она принадлежала. Самой ли императрице, припимавшей живейшее участие в обсуждении предстоящего административного переустройства России и предвкушавшей триумф «благодетельницы» русского города, или кому-то из ее советчиков по городскому переустройству? Возможно, ее высказал новгородский губернатор Я. Е. Сиверс. Он составил записку «О городах при новом учреждении», которая была переработана и включена в программный документ — «Учреждение о губерниях». Сиверс несколько раз лично обращался затем в Герольдию и требовал скорейшего создания гербов многим городам его губернии.

В числе первых городов, которые вслед за Костромой получили официальные символы, были новоучрежденные города Вышний Волочек, Валдай, Боровичи, Осташков. По указу от 18 мая 1770 г. они становились городами, а раньше были слободами. Им полагался герб, который отныне изображался на печатях городских канцелярий и других городских учреждений. Правда, в отличие от Костромы гербы для этих городов Герольдмейстерская контора составила не сразу. Прошло почти два года, пока туда поступило предписание Сената о сочинении им «по приличности каждого места гербов». Герольдмейстерская контора быстро выработала «правило» в составлении гербов таким городам. По ее мнению, в них падо было

«означать: 1) милость е.и.в. к сим селениям, 2) чтобы обстоятельство или промыслы оных изобразить». «Милость» показывалась в виде горнистаевого меха, короны, царского герба, а «обстоятельства» обозначались весьма разнообразно: тут были и груженные суда, и рыбы, и река с порогами... Сначала там составлялись проекты только вновь учреждаемым городам. Например, 21 марта 1773 г. посад Тихвин Новгородской губернии превратился в город согласно императорскому указу. Он получил и герб из Герольдмейстерской конторы.

Однако, пока суд да дело, какой-то новоучрежденный город имеет герб, кому-то дать его «забыли» (Весьегонску, Ельне, Поречью, Гжатской слободе и другим, ставшим из сел городами), слух о пожаловании отдельным российским городам гербов быстро распространился.

Не дожидаясь массового, централизованного создания гербов в Герольдии, многие частные лица сами пытаются рисовать гербы своих городов, присылают проекты в Герольдмейстерскую контору. В 1774 г. Герольдия получила «Проект не имеющим российским городам гербов, к рассмотрению заготовленных для начальнейшей апробации». Автор указывал во введении к проекту, что он «в свободные времена предпринял сие дело с крайним... старанием, желая изобразить гербы городам, приискивая пристойные символы, примечая приличество и соображая с опробованными и употребляемыми гербами...». Образцом при составлении гербов автору послужило «описание городоф, которые можно найти в словаре, изданном от советника Герарда Фридриха Мильлера, с которого обстоятельства и примечание взяты, по состоянию городов изображены и нарисованы». Гербы, представленные в этом проекте, не были использованы Герольдмейстерской конторой. Однако следует отдать должное неизвестному энтузиасту геральдики: в рисунках некоторых гербов точно схвачены характерные черты города, его историческое и экономическое лицо. Например, город Дмитров славился фарфоровой фабрикой — в гербе изображены чайник и чашки. Малый Ярославец получил по воле автора герб с идущим медведем: «То же, как и ярославский, силу в промыслах и ремесле показывает, молотом железный завод, а челноком полотняную фабрику и прессом бумажный завод означает». Всего автор составил проекты гербов для десяти подмосковных городов.

7 ноября 1775 г. правительственный указ возвестил о начале реформы местного управления в масштабах всей

России. По указу, который назывался «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», вводилось новое административное деление России и создавались, наряду с губернскими и уездными, городские органы управления. О них уже говорилось. Это упорядочение местного управления правительство было вынуждено предпринять, чтобы «снабдить империю нужными и полезными учреждениями для умножения порядка всякого рода (напуганное Крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева, правительство Екатерины II было вынуждено резко усилить централизацию управления государством.— *Н. С.*) и для беспрепятственного течения правосудия».

Какое место отводилось в связи с этой реформой городскому гербу? Очень скоро среди правительственных указов, распоряжений и узаконений замелькали и постановления о гербах городов того или иного вновь созданного наместничества, губернии, области. Формула, повторяющаяся в каждом указе о создании гербов, поясняла, почему вводятся городские гербы: «А как ни самый наместнический город, ни приписные к нему гербов не имеют, то по приказанию Сената герольдмейстером князем Щербатовым (о нем ниже.— *Н. С.*) для оных гербы сочинены». Вслед за указом об образовании наместничества, как правило, следует специальный указ о гербах, которые предназначались каждому городу этого наместничества. Первую серию городских гербов (12) получило Калужское наместничество в марте 1777 г., а к 1785 г. имели гербы города большинства наместничеств. В 1790 г. утверждаются гербы городам Иркутского наместничества, в 1796 г.— Минского, Волынского, Брацлавского, Подольского. Таким образом, в результате особого законодательства в массовом и обязательном порядке в последней четверти XVIII в. в Российской империи вводились городские гербы.

Все права города на герб закрепила, так сказать, в обобщенном виде «Грамота на права и выгоды городам Российской империи». Жалованная грамота городам была опубликована 21 апреля 1785 г. Городам было дано право самоуправления. Органами его являлись: «собрание градского общества», общая градская дума и шестигласная (по числу разрядов городского населения, а разряды определялись имущественным цензом) дума. Город расширил свой состав: отныне в число горожан входили разные социальные категории населения, в том числе и дворяне, жившие на его территории, крестьяне, обладаю-

щие определенным капиталом. Вообще имущественный ценз, владение недвижимостью — это теперь основной критерий для определения в члены городского общества. Право голоса при выборах имели лица, обладавшие капиталом не менее 5 тыс. рублей и достигшие 25 лет. Как видим, в городском законодательстве отразились новые явления в жизни страны, рост буржуазных элементов.

И в то же время нельзя признать, что город действительно обрел столь желаемую самостоятельность. Органы городского самоуправления, столь внушительно выглядывшие на бумаге, на самом деле были придатком государственного аппарата феодальной монархии. Губернатор, назначаемый верховной властью, и губернское правление (дворянское) наблюдали за всеми действиями городских выборных органов, вникали во все детали городского хозяйства, лишали всякой инициативы городские думы. По сути дела, городское самоуправление было фикцией, по формально составляло основу привилегий, по которым отныне должен был существовать и развиваться русский город. Среди городских привилегий имелся пункт, гласящий: «Городу иметь герб, утвержденный рукою императорского величества, и оный герб употреблять во всех городских делах». «Обществу градскому» дозволялось также иметь печать с городским гербом. По замыслу императрицы, выступившей в роли благодетельницы, каждому городу посылалась особая жалованная грамота с перечислением царских милостей и с красочным рисунком городского герба за подписью самой государыни. Как видим, задуманное мероприятие по поднятию престижа города проводилось с помпой.

Массовое производство городских гербов легло всей своей тяжестью на Герольдмейстерскую контору. С 1771 г. ее возглавлял Михаил Михайлович Щербатов, русский историк, автор «Истории России с древнейших времен». Он показал себя сведущим в генеалогии и геральдике человеком, наметил программу реорганизации Герольдии согласно новой составленной им самим инструкции. Особый патриотизм Щербатов проявил при составлении гербов, ибо считал, что «должно по состоянию России сочинить Герольдику, где бы не чужестрашны, по российские гербы в пример были поставлены, однако не отбиваясь от общих правил сей науки».

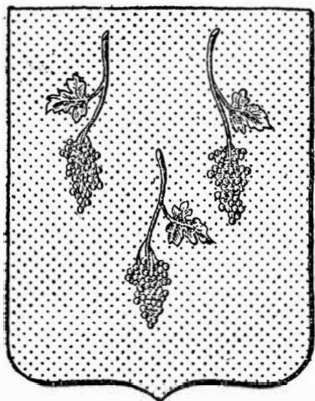
Щербатов занимался и непосредственным сочинением городских гербов: многие гербы, пожалованные новым городам, составлены лично им, например Олонца и Вы-

тегры — под рисунками стоит подпись Щербатова. По указу Военной коллегии Щербатов подготовил знаменной гербовник, в него вошло 35 рисунков и описаний полковых гербов, и под каждым — подпись Щербатова. Существовавшие ранее эмблемы Щербатов также использовал в своем гербовнике, правда с пометой: «Сей герб есть тот, который город Ревель употребляет», или «Сей герб находился уже прежде сделанной в Герольдии». Например, в отношении тульского герба приписано: «Сей герб находился уже прежде сделанный в Герольдии». С точки зрения правил геральдики рисунки в гербовнике выполнены грамотно: верно использованы геральдические фигуры, нет наложения цвета на цвет. Композиция рисунков проста и вполне соответствует заложенной в гербе идее.

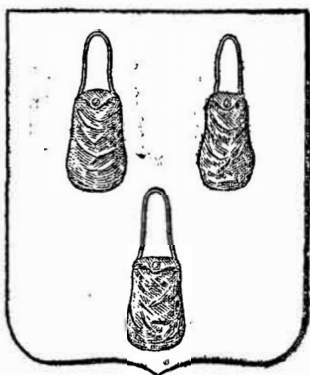
Основной принцип, которому следовал Щербатов, занимаясь герботворчеством, — составление герба с учетом характерных особенностей города: природных условий, ремесел, традиций, исторических событий. Например, в гербе города Олонца Щербатов изобразил серебряный фрегат «в памятование учрежденного карабельного строения Петром Великим в 1703 году на Ладейном поле», на золотых и серебряных полосах два молота «под рудоискательную зеленую лозю, изъявляющее обретенные руды золотые и серебряные в сем уезде и заведенные заводы». В гербе города Ахтырки появился золотой крест с сиянием, «изображающий знаменитость сего города по великому числу приезжающих богомольцев». Изюм — три виноградные кисти, «показующие самое имепование сего града, и что плод сей круг сего града рождается»; Острогжск — «в зеленом поле златый орженный сноп, показующий богатые жатвы областей сего города»; Сумы — три черные сумы, «показующие имепование сего города».

Харьковский герб по воле Щербатова получил эмблему: рог изобилия, перекрещенный с кадуцеем (обвитый двумя змеями жезл). Эмблема «изъясняла» «1-е — изобилие окружных стран сего града и 2-е — самую его торговлю по бывающей тут знатной ярмонке».

Вспомним: именно этим городам составлял гербы в свое время Векснитейп, но те гербы так и остались лишь в рисунках. Внесенные же в гербовник Щербатова рисунки были утверждены законодательным актом и получили силу официальных гербов, причем с пометой «старый герб». Щербатов, по-видимому прекрасно уловивший



Герб города Изюм, утвержденный правительством в конце XVIII в. согласно рисунку из гербовника М. М. Щербатова



Герб города Сумы, утвержденный правительством в конце XVIII в. согласно рисунку из гербовника М. М. Щербатова



Составленный М. М. Щербатовым герб Харькова. Утвержден правительством в конце XVIII в.



Составленный М. М. Щербатовым герб Оренбурга. Утвержден правительством в конце XVIII в.

смысл городского законодательства Екатерины II, постарался в городской эмблеме отобразить идею господства над городом верховной власти, идею милости императрицы, по воле которой город получал якобы самоуправление. В городской герб он часто вводит фигуру, являющуюся символом царского самодержавия. Впервые Щербатов выразил эту идею в гербе Вытегры. Основной фигурой здесь является «золотый императорский скиптр, прямостоящий с оком провидения». А символизирует эмблема «надежду, каковую пользу от учреждения сего города может империя Российская приобрести и купно милость и провидение монаршее».

Большинство гербов в составленном Щербатовым сборнике рисунков для полковых знамен включает изображение возникающего (так называемая возникающая фигура соприкасается с одной из сторон щита, но видна лишь наполовину) двуглавого российского орла. Последний, конечно, символ царской власти над теми областями, по имени которых назывались полки, и над народами, составлявшими полки, вступившими под покровительство России (например, Иллирический, Сербский, Далматский). Возникающего двуглавого орла видим и в гербе Оренбурга. Щербатов составил новый оренбургский герб, отличавшийся от сочиненного во времена Кирилова и Татищева. Что представлял собой его рисунок? Это — «золотое поле, разрезанное напополам голубою извилистою полосою, показующую тут реку Урал; в верхней части — выходящий двуглавый орел, в нижней части — голубой андреевский крест в знак верности сего града». Именно данный рисунок утвердился в качестве герба города Оренбурга.

У нас мало сведений о работе Герольдмейстерской конторы в самый бурный период ее деятельности. Штат художников, по-видимому, был невелик. После смерти в 1768 г. живописного мастера Ивана Токарева, начинавшего свой путь в качестве ученика И. Чернавского, его место занял Артемий Бутковский. Он в течение долгих лет был основным исполнителем художественных работ в Герольдмейстерской конторе, снискав себе славу человека «добропорядочного, прилежного и искусного в живописном деле». Известно, что в начале 80-х годов рисованием городских гербов занимались художники Иван Шаврин, Алексей Шерстнев, Иван Москвитенев.

Герольдмейстерская контора проводила тщательную проверку — «всем ли оным (городам.— Н. С.) есть гербы

и описании или которым нет». Здесь выработывались и правила, по ним составлялся городской герб. Выше мы уже писали, какими принципам руководствовался Щербатов. Вероятно, от этих правил не отступали и в дальнейшем. Вот только сама форма герба с течением времени претерпевает изменения, и в конце концов российский городской герб принимает определенный специфический вид.

Первоначально городской герб рисовался таким образом: гербовый щит и на нем эмблема. Городские гербы Калужского, Тульского наместничеств, трех городов Иркутского наместничества подчинены этому правилу. В их составлении участвовал М. М. Щербатов. Вместе со Щербатовым трудился на ниве городского герботворчества И. И. фон Энден. Последний хоть и служил много лет беспорочно, но в основном по военному делу: в 1730 г. поступил на службу солдатом, в 1733 г. уже был сержантом и дослужился до майора; оставил на время службу, а в 1768 г. в чине надворного советника состоит в Статс-конторе. Данные биографии фон Эндена, как видим, не свидетельствуют о его склонности и какой-либо причастности к геральдике. Тем не менее по предложению генерал-прокурора А. А. Вяземского Сенат признал фон Эндена «за способного» исполнять должность товарища герольдмейстера. Он попробовал свои силы в герботворчестве, сочинив гербы городов Ярославского наместничества, о чем сообщается в указе от 20 июня 1778 г.

«В сочинении же он держался главным предметом в каждом новом городе иметь часть герба Ярославля с некоторым по приличеству каждого названия, где можно было, прибавлением». Таким образом, «с легкой руки» фон Эндена русский городской герб приобретает характерную форму: наместнический герб объединяется с собственно городским. Правда, на первых порах использовалась какая-то часть наместнического герба (в гербах Костромского наместничества — «корма галерная с тремя фонарями и с опущенными лестницами»; в гербах Рязанского наместничества — «серебряный меч и ножны, положенные накрест, над ними зеленая шапка, какова на князе в наместническом гербе»), но спустя какое-то время в верхней (1-й) части щита наместнический герб помещался целиком и обязательно.

Эта форма русского городского герба вызвала критику знатоков геральдической науки в XIX в., ибо, по их мнению, при подобной композиции главной являлась

эмблема наместнического герба, а символ самого города играл подчиненную роль, занимая в гербовом щите второстепенное место.

Основная масса российских городских гербов, т. е. практически все, что возникли в последней четверти XVIII в., имеет подобную форму. Их очень легко отличить по виду от «старых», ранее сочиненных, у которых в гербовом щите располагается одна эмблема.

В верхней (1-й) части щита иногда помещен не наместнический герб, а государственный — двуглавый орел. По предложению герольдмейстера А. А. Волкова в наместничествах Могилевском и Полоцком якобы потому, что их города гербов не имели (что не совсем соответствует действительности — в 1772—1773 гг. белорусский генерал-губернатор З. Г. Чернышев прислал рисунки гербов белорусских городов, ранее входивших в состав Речи Посполитой), в каждом гербе, включая и наместнический, в верхней части помещалось погрудное изображение двуглавого орла — «в знак того, что сие наместничество присоединено к империи Российской». Такие же «знаки присоединения к империи Российской» видим и в гербах городов Минского, а также Волынского, Брацлавского, Подольского наместничеств. Правда, в отличие от первых двух названных выше белорусских наместничеств в последующих, как правило, видим и прежние гербы, если у городов они ранее имелись, ибо поступило правительственное указание принимать во внимание прежние городские знаки. Например, в отношении городских гербов Прибалтики, русской Финляндии указывалось, что они «гербы имеют старинные, донныне там употребляемые»; о гербах городов Украины (Киевского, Черниговского, Новгород-Северского наместничеств) — «собраны прежние гербы городов».

Документы Герольдмейстерской конторы — центра по изготовлению городских гербов, правительственные указы в отношении городского герботворчества позволяют воссоздать картину этого грандиозного мероприятия. Процесс составления гербов при всей его кажущейся массовости имел вполне целенаправленный характер. Для городов Великороссии, которые никогда, по сути дела, не имели гербов, они составлялись заново, так сказать, поточно. Районы же, имевшие особые привилегии, заслуживали и в городском герботворчестве больше внимания: Герольдмейстерская контора тщательно проверяла, имел ли город раньше герб, кем пожалован; если герба ранее не было,

то обязательно запрашивались сведения о городе, на основании которых и составлялся новый герб.

К сожалению, мы не располагаем данными, рассказывала ли повсеместно анкета во все города России. На основании каких сведений составлялись в этот период городские гербы? По-видимому, Герольдмейстерская контора имела сведения о городе, которому сочиняла герб, так как описанию герба в указе сопутствует объяснение, почему для герба избрана та или иная фигура.

Очень часто в литературе можно встретить рассуждения о том, что герб — источник по истории города. Какие же «фигуры» преобладают в российских городских гербах? О чем они могут нам рассказать? Из более чем 500 городских гербов, утвержденных в последней четверти XVIII в., исключим гербы с пометой «старый» (о них еще будет рассказ), а также гербы, которые имелись у ряда городов до присоединения их к России. Получим примерную цифру 350. Если принять эту цифру за 100%, то ок. 32,5% составляют гербы, в которых отражены сведения о развитии в городе (и его округе) хозяйства (промыслы, производство, земледелие, скотоводство, садоводство, пчеловодство) и торговли; 25,5% — о природных условиях (животный и растительный мир, местоположение); 16,5% — «говорящие» гербы; 5,5% — архитектурно-стилистические сюжеты; 5,5% — этнографические сюжеты; ок. 4,5% — исторические сюжеты; ок. 3,5% — знаки верховной власти; ок. 2,5% — церковные сюжеты; ок. 2,5% — варианты герба более древнего города.

Предметы, избранные для выражения всех этих сюжетов и понятий, очень разнообразны, причем часто один и тот же предмет символизирует не совсем одинаковые понятия. Например, копь в гербах городов Починки, Бронница, Томск означает, что здесь были копные заводы, а в гербе города Данков — лошадиные ярмарки; пушные звери в некоторых гербах свидетельствуют о животном мире городской округи, а также могут символизировать пушной торг и т. д. И тем не менее в подборе символов существуют определенные закономерности. Так, никогда изображение пристани не ассоциируется, предположим, с обширной пашней или высокими урожаями, которыми славится городская округа. Хлебный же колос или снопок ржи в гербе города не употребляются как символы торговли; кадка с дегтем, тюк товара — как символ высокого уровня земледелия и т. д. О чем это говорит? О том, что предметы, изображенные в городском

гербе, не выбраны произвольно. И несмотря на кажущийся бытовизм, они символичны. Символизируют специфику города.

Значит, при всей условности гербовых изображений можно усмотреть в их сюжетах черты, характеризующие облик русского города XVIII в.

Еще яснее проступает в символике городских гербов правовой момент. Несмотря на то что сами по себе знаки верховной власти, казалось бы, не так часто составляют эмблему городского герба, символ самодержавия присутствует почти в каждом отличительном знаке города, ведь верхняя его часть — наместнический герб, в котором, как правило, изображены держава, скипетр, корона, знамя с гербом, княжеская шапка и пр. Иногда, мы об этом говорили выше, там находит себе место и двуглавый царский орел. Знаки верховной власти дополняются церковными символами: благословляющая рука, крест, святая.

Таким образом, в российской городской символике сделан сильный акцент на пропаганду официальной идеологии. В то же время своеобразная конструкция русского городского герба визуальнo воплощала суть правительственной политики по отношению к городу: город (это показано при помощи «подчиненности», вторичности городского герба) имеет самостоятельность (самоуправление) по монаршему благоволению (символ верховной власти над городским гербом). Во внешней форме городского герба нашла отражение и политика правительства по урегулированию административно-территориального устройства России. Форма герба (вверху — наместнический (губернский) — основной, внизу — городской — подчиненный), которая сложилась в процессе массового городского герботворчества, соответствовала реальной структуре административного деления, состоявшегося в России. Позднее, в XIX в., форму герба еще более усовершенствовали. При помощи таких элементов, как короны различного вида, обрамление гербового щита, можно было по городскому гербу судить о его значимости в государстве, количестве населения, характере экономического развития.

Итак, городские гербы визуальнo показывают нам, какой знак они собой представляют. Изучение же документального, исторического материала дает в руки исследователя факты, позволяющие объяснить, почему Россия в официальном порядке вдруг решила создать у себя

систему городских гербов, институт городского герба.

В том, как создавался в России в 1775—1785 гг. этот институт (массовость законодательных актов, подчеркивание необходимости оформления уже существовавшего герба, например в прибалтийских городах, особым пожалованием Екатерины II; изготовление каждому городу жалованной грамоты с красочным гербом, введение в городском делопроизводстве печатей с гербом города и т. д.), ощущаются определенные парочитость, претензия на внешний эффект, помесизность. Со стороны русского правительства это был шаг, аналогично которому трудно найти в истории европейских государств того времени. Реально представляя себе классовую сущность городского законодательства последней четверти XVIII в., в этом санкционированном верховной властью массовом «действии» по созданию городского символа видишь мероприятие, рассчитанное на соответствующее воздействие на общественное мнение относительно реформаторской деятельности Екатерины II. Ведь по Городовому положению 1785 г. «новые действительно городские учреждения получили... очень и очень скромную долю самостоятельности». Это отмечали еще русские буржуазные историки, в частности И. И. Дитятин. Фактическая власть в городе передавалась представителям дворянства, но не горожан, что соответствовало всей политике царского правительства, направленной на укрепление существующего общественно-политического строя и усиление диктатуры дворянства на местах. В этих условиях внедрение городского знака, который призван был символизировать городское общественное самоуправление, производит впечатление камуфляжа. Внешне эффектные оформления городских привилегий, как щитом, прикрыли формальность провозглашенного правительством Екатерины II городского переустройства, классовую феодально-крепостническую сущность реформ 1775—1785 гг. Однако нельзя забывать о фоне, на котором свершился этот акт верховной власти. Фоном же служила не укладывавшаяся в рамки официальных распоряжений деятельность различных лиц и организаций в связи с учреждением городского символа. На этом фоне действия правительства приобретают характер своеобразной поддержки сверху общественной инициативы по оформлению, пусть чисто внешнему, муниципальной автономии. Последняя представляет собой одно из звеньев в цепи преобразований городского устройства. Вопрос о ней отражает социально-экономическое разви-

тие русского города XVIII в., в котором складывались буржуазные отношения и удельный вес которого в рамках феодально крепостнической системы все более возрастает.

Не случайно такой быстрой была реакция на законодательное введение городских гербов. Они немедленно включаются в городское делопроизводство. Так, уже в январе 1786 г. в «Генеральной записке о исполнении городского положения» о Санкт-Петербурге говорилось: «гербы во всех городах губернии утверждены», «печать градского общества изготовлена». В то же время городское положение вошло в силу в Москве, а через год — в большинстве других губерний. Городские печати с конца XVIII в. вплоть до 1917 г. обычно несли изображение герба города. Известны примеры такого «уважительного» отношения к городскому знаку, как изображение его на флаге, вывешенном на общественных городских зданиях. Кажется, что теперь город не мыслит себя без герба, собственного отличительного знака.

Если в давние времена представители дворянских фамилий спорили, чей род древнее, то теперь многие города пытаются доказать: их герб известен «от древних времен», стараются «состарить» собственный герб. Такие заявления поступили из Владимира, Белозерска, Казани, Свияжска, Вологды. Городам Мурому и Воротыночку гербы были пожалованы по указу Екатерины II, но оттуда пришли сообщения, что эти города имели старые гербы и их описания по военному знаменному гербовнику. Некоторые города изобретают легенды о пожаловании им гербов издавна, задолго до указов Екатерины II. Например, пилессельбуржцы считали, что герб — ключ под короной — пожалован им Петр I в 1702 г., а жители Павловска Воронежского наместничества — что герб пожалован в 1732 г. Уральск Кавказского наместничества, городам которого гербы составили и утвердили позднее, чем многим другим, тем не менее при описании города датирует герб 1776 г. Он будто бы был пожалован городу (это ездок на коне, вверху две рыбы, а внизу гора) и прислан от генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина. Здесь речь, скорее всего, идет о печати Уральского казачьего войска. Рыльск полагает, что его герб дал городу «прежними государями российскими». Колонна в гербе Симбирска? Это, конечно же, «за двукруглую храбрую оборону от разбойника Степки Разина». Кстати, колонна присутствует еще в одном гербе — подмосковного го-

рода Коломны. Тут уж самая красивая дача — то построен знатным человеком Карлом Коломной, шахцем из Италии, около 1147 г., «отчего он (город Н. С.) имя свое и герб, представляющий колонну или столп, заимствует». Ярославль так объясняет свой герб: «Сей герб дан великим князем Ярославом по той причине, что он, шествуя в Ростов по проливу из Которосли в Волгу, нашел на медведя, и онаго с помощью людей своей свиты убил».

Очень подробные сведения о городах и городских гербах содержатся в таких памятниках географического и экономического изучения России XVIII в., как Топографические описания наместничеств. В Топографических описаниях все города приводят сведения о своих гербах, иногда, как это было показано выше, придумывая даже легенду о городском знаке. Нет ни одного города, который бы забыл упомянуть о нем.

Города Прибалтики и Украины наряду с подробным описанием пожалованного им герба (а не следует забывать, что при составлении городских гербов в наместничествах Киевском, Черниговском, Рижском, Ревельском, Выборгском учитывался прежний герб) сообщают сведения о его возникновении, причине и времени появления, кем был пожалован и т. д.

Особенно подробные сведения о городских гербах — старых, новых, сравнение их с существовавшими магистратскими печатями — приводятся в Топографическом описании Черниговского наместничества.

Не только Топографические описания уделяют особое внимание символу города. О городских гербах теперь непременно упоминается в любом печатном труде, посвященном историческому и географическому исследованию города или целого региона: в календарях-месяцесловах, в специальных работах по истории города, наместничества, в трудах справочного характера, содержащих сведения различного характера о России конца XVIII в. и пр. Появилось определение городского герба. Его предложил герольдмейстер Л. И. Талызин: «Гербы городские суть те, которые даются по свойству каждого города на основании высочайшей конфирмации». Эмблемы, символизирующие города, по мнению Талызина, «обыкновенно происходят или от свойства оных или от их местоположения, или от какой-нибудь особенной редкости».

Рисунки городских гербов в виде подарков подносят-

ся Екатерине II. Их изображают на пуговицах форменной одежды, на особых знаках должностных лиц.

Из военного ведомства гербы изымаются — снимаются со всех полковых вещей, кроме знамен (через некоторое время и знамена приобретают другой вид) и печатей. Печати, напротив, обязаны были изготовить только с гербом крепости или города, в котором стоял гарнизон. В 1784 г. во все крепости и гарнизоны, всем обер-комендантам и комендантам разослали указ сделать на местах печати: «Наипаче как со внесением во оные одних токмо гербов тех городов, которых они, обер-коменданты, суть... А в случае таком, естли в котором из сих городов гербов не отыщется или и вовсе еще нет, относились бы о доставлении их рисунков па те города гербов прямо от себя в Герольдию...». Напрасно коменданты некоторых крепостей высказывали свои сомнения относительно необходимости сочинения гербов для крепостей, ссылаясь на то, что крепость — «не город». Военная коллегия сняла этот вопрос, предписав крепостям обращаться за рисунком герба в Герольдмейстерскую контору. Ввиду того что Герольдмейстерская контора не спешила посылать в крепости рисунки, некоторые коменданты составили их по собственному разумению и «по приличеству крепости». Например, комендант Енотаевской крепости внес в рисунок «государственный герб и крепость с Волгою рекою и тремя островами». На рисунке изображена не только крепость, но и такие детали, как дороги, ведущие из крепости в Астрахань, в Черный Яр, калмыцкие кибитки и т. д. Естественно, что подобный эскиз трудно было посчитать за символ крепости.

Еще более сложный рисунок представил комендант крепости Петропавловская Оренбургской губернии: в центре он поместил гору, над ней — корону, под ней — три звезды, обозначающие Троицкую дпстапцию (в состав которой и входила крепость). Ниже композиции — простертая рука держит ключ, а под ней опять-таки на горе ружье и шпага, поставленные косым андреевским крестом, «что значить будет Петропавловская». Сопровождает «герб» еще и надпись по кругу.

Хоть составлялись эти гербы не профессионалами, а любителями, в них ясно прослеживается та же идея, что и в основной массе гербов, созданных в правительственном учреждении: присутствие знаков царской власти, отражение официальной идеологии Российской империи.

Составление гербов постепенно превращается в моду,

в геральдике «пробовали себя» должностные лица, безусловно несведущие люди присылали проекты гербов в Герольдию, чрезвычайно популярным стало сочинить местный герб у себя в городе или области.

Итак, городской герб в качестве знака, символизирующего отличие города от деревни, характеризующего город как самостоятельный административный центр с собственным управлением, был положительно воспринят русским обществом, что нашло свое выражение в самых различных проявлениях общественной жизни.

Однако в течение XIX в. идея городского герба как символа самостоятельности города теряла в глазах общества свою привлекательность вследствие несостоявшихся надежд на городское самоуправление, провозглашенное Городовым положением 1785 г. и не осуществленное в полной мере на практике. Об этом в следующей главе.